

Н.А. СТРУВЕ (*Париж*)

**РУССКИЙ БЕРЛИН В НАЧАЛЕ 20-х годов:
ПО ПИСЬМАМ ГЛЕБА СТРУВЕ К БРАТУ АЛЕКСЕЮ**

Как многие молодые эмигранты, Глеб Струве (р. 1898) в поисках работы, способной прокормить его семью (он женился в 1921 г., а в 1922 г. родилась его первая дочка Марина), не сразу мог определить место своего пребывания. Осенью 1922 г. он из Парижа переехал в Берлин, где вместе с А. Борманом стал «директором» новосозданного Информационного бюро для Центральной и Восточной Европы (The European Herald) и одновременно занимался выпуском возобновленного П.Б. Струве журнала «Русская мысль», перекочевавшего из Софии в Берлин. Оба начинания оказались недолговечными. И в начале 1924 г. он уже возвращается в Париж, где получил место секретаря юриста барона Б. Нольде, а с 1925 г. стал помощником отца по изданию газеты «Возрождение».

Жизнь в Берлине была нелегкая, письма пестрят жалобами на нехватку денег и дороговизну, но оживленная литературная, театральная, концертная жизнь, как немецкая, так и русская, была ключом, и, несмотря на скудость средств, Глеб Струве постоянно ходил на концерты Кусевицкого, Фуртвенглера, Орлова, Боровского, Э. Фишера и др., на гастроли Моисси в Немецкий театр (Deutsches Theater), игравшего среди других вещей «Живой труп», на спектакли Художественного и Камерного театров. «Художники, — писал он брату в Париж, — давали прощальный вечер с программой rotoungi. Качалов потрясающе великолепно изображал кошмар Ивана Карамзова... очень хорош он был и в речи Антония из «Цезаря»; зато Станиславский-Брут мне не понравился. Чудесна была Коренева в сцене Лизы с Алешей Карамазовым. В общем весь ве-

чер оставил большое художественное впечатление» (письмо от 2 декабря 1922)*. В литературном мире Г. Струве сетовал, что мало кого выдает. Тем не менее поддерживает «отношения с отколовшейся группой Веретена... и с Кречетовым, у которого новое издательство “Медный Всадник”, в первом альманахе которого пойдут мои новые стихи. Он же издает интересный новый роман Лукаша. По воскресениям у Кречетова бывают литературные журфиксы. Там я познакомился с Бор. Зайцевым и его супругой». Частным образом он познакомился также «с Ходасевичем, с которым беседовал о своих стихах». Подробно описывает он свой визит к Ремизовым: «Забавная чета: он маленький, щупленький, уродец чрезвычайный, не то чертяка, не то обезьяна — недаром у него и Обезьянья Палата! — а она как купчиха стопудовая, и всегда в лиловом платье: бархат с шелком, а рукава как будто лебеди из них сейчас повылетят. Милые они очень. Комната Ремизова увешана вся разными самодеянными чертиками, страшилищами, обезьянами и вообще всякими тварями. Все они для него — живые, и он прелюбопытно о них рассказывает» (всё цитаты из письма от 9 ноября 1922. — Н.С.).

В октябре 1922 г. Г. Струве оказался свидетелем прибытия в Берлин изгнанных философов и общественных деятелей и от друзей отца, в первую очередь от С.Л. Франка, узнавал обстоятельства и причины этой исторической высылки. 9 октября он писал брату:

«Вчерашний день был у меня наполнен свиданиями с Франками, которые приехали в понедельник. Много интересного услышал от них. Интереснее всего, пожалуй, самый факт высылки всех этих людей, явившейся несомненным проявлением если не бессилия, то страха большевиков. Высылка не была для них неожиданностью, речь Зиновьева более или менее подготовила их к этому. Перед высылкой всех арестовали, а уж потом объявили им (продержав 5 дней), что их высылают. По словам С.Л. все дело было проведено очень тонко и осмысленно, и “издание” вышло лишь с небольшими и незначительными “опечатками”. Руководило высылкой не Г.П.У., бывшее лишь исполнителем, а центральный комитет комму-

* Здесь и далее цитируются письма из личного архива Н.А. Струве. — Ред.

нистической партии, т.е. правящая Россией пятерка. По мнению С.Л., большевики вступили сейчас в стадию, когда самым опасным оружием являются идеи. И против идей они повели борьбу. Всех главарей духовного движения выслали, и для России это большой урон. Большинство не хотело уезжать и даже ходатайствовало об оставлении. Между прочим на ходатайство о Франке Каменев заявил, что для Франка ("Ах это тот — мистик") он пальца о палец не ударит, ибо это второй Струве. Не хотели же они уезжать потому, что факт высылки лишний раз убедил их, как полезна была работа, которую они делали в России: недаром большевики убоялись. Они ведь определенно сказали, что все эти люди им в России опасны и обезвредить их можно, только выслав за границу. Кружку Бердяева и Франка, их вольной Духовной Академии, действительно удалось собрать вокруг себя избранную молодежь, ищущую каких-то новых путей и выходов, направившую свои интересы к религии, к мистике. Поэтому-то большевики не могли спокойно слышать о "мистике" Франка. Влияние их уже проникало в среду коммунистической молодежи, которой осточертел коммунизм. Большевики считали высланных настолько вредными, что они даже не побоялись возможных отрицательных последствий ее для себя, т.е. впечатления, которое они производят на Европу. Впрочем, говорят, Красин, узнав о высылке, сказал: "Это товар, который я вовсе не собирался экспортировать и который может только испортить мне все дело". Вчера же вечером на лекции Шестова я видел Бердяева и Ильина, и они и Франк выступали в прениях. Все они похудели и постарели; у Ильина измученный вид, он 6 раз "сидел". Нюнич (семейное прозвище Семена Франка. — Н.С.) не очень изменился, но тоже похудел сильно и поседел в бороде... Материально они (семья Франков. — Н.С.) более или менее обеспечены, т.к. продали все свое достояние, включая библиотеку, и купили — кто американскую, кто английскую валюту. Поэтому за время путешествия они успели уже почти вдвое разбогатеть. Среди приехавших еще Кизеветтер, Айхенвальд, кн. С.Е. Трубецкой, о. Абрикосов и др. Петербургская группа ожидается позже. Некоторые из них до сих пор сидят в тюрьме, в том числе Ал<ександр> Солом<онович> (Изгоев. — Н.С.). Из москвичей лишь немногим предъявлено обвинение в сношениях с заграницей, подготовке заговоров и т.д., об остальных лишь смутно сказано, что они до сих пор не примирились с Советской властью. Из всех высланных к папе по настроению всего больше подойдет, наверное, И.А. Ильин, который мне вчера очень обрадовался; он самый из всей компании — правый».

Этим замечанием Глеб Петрович закончил свой «подробный отчет о самом интересном событии берлинской жизни». Прогноз его не совсем оправдался. Если действительно Бердяев, Карсавин и даже Франк были для П.Б. Струве слишком левыми, то И.А. Ильин в конце концов оказался для него слишком правым... К левизне некоторых высланных Глеб Струве вернулся в одном из более поздних писем в связи с открытием в Берлине в конце ноября Религиозно-философской академии, которую, как он писал, «можно с таким же успехом назвать Академией высланных. Несимпатично в них то, что они держатся гордо-обособленно и считают себя единственными носителями истины. Карсавин определенно высказал это. Ильин, к сожалению, был болен и не говорил». Г. Струве хотел было записаться слушать лекции в Религиозно-философскую академию, но отказался: «очень далеко, и они назначили больно высокую плату». В том же письме от 2 декабря 1922 г. он сообщает сведения о приехавшей чуть позднее группе «петербургских высланных»:

«Из них едут в Прагу, по папиному приглашению, Изгоев и Лосский со Стоюниной (мать Людмилы Владимировны Лосской, жены философа. — Н.С.). Мар<ия> Ник<олаевна> очень милая старушка, совсем ушла в землю и стала сухенькая, сухенькая. Ал<ександр> Солом<онович> (Изгоев. — Н.С.) не очень изменился, слегка поседла борода и увеличилась лысина. Вид у него хороший, взгляды как будто здоровые (что означает — более правые, чем у большинства высланных москвичей. — Н.С.)».

Основной работой в 1923 г. было у Г.П. издание «Русской мысли». Еще в июне этого года он выражал удовлетворение ее распространением, несмотря на отсутствие при издательстве своего книготоргового аппарата:

«Пока мы должны давать все издание Logos'у, платя ему 50% с фактической цены. 500 экз. он берет за твердый счет, остальные — все издание 2000 — на комиссию. Но сам он книгопродавцам на комиссию не дает, а только за наличные. И этим, вероятно, объясняется отсутствие книги (в Париже) у Поволоцкого. Расходится "Р.М." хорошо. Сейчас на книжном рынке считается, что книга идет хорошо, если она перевалила за

500 экз. Логос сбывает 500 экз. с легкостью в один месяц. Но самое важное то, что и на третьем месяце "Р.М." продолжает идти. Обе книги зашли уже за 600 (конечно, не считая даровых и обменных экземпляров)».

Однако с падением марки без внешней помощи продолжать издание журнала становилось все труднее, и в сентябре 1923-го Г.П. писал, что, «если дальше с Р.М. ничего не выйдет и с будущего года придется приостановить издание», ему остается только переехать во Францию: «Жизнь в Германии потеряла сейчас всякий смысл... при этом крайне неприятна, т.к. все мысли уходят на деньги и житейские заботы. Работа совершенно невозможна...» «Главное, что здесь становится морально тягостно жить. Многие русские — денежные или совсем безработные, которым нечем рисковать, — уже бегут отсюда, преимущественно в Париж... Я сейчас бездомный, ночью пока что у Лукаша (семью свою Г.П. отослал в деревню. — Н.С.), но надо найти комнату, а то нельзя работать...»

Г.П. твердо решает не связывать своей судьбы с «Русской мыслью», пытается безуспешно устроиться в Англии, думает одно время согласиться на стипендию в Праге. В начале 1924 г. у него накапливается столько долгов, что переезд во Францию становится срочной необходимостью. Он просит брата:

«Может быть», ты мог бы достать мне часть денег, скажем из Союза писателей через Бунина — они дают такие ссуды на переезд в Париж. Если вообще что-нибудь можно сделать в этом направлении, лучше сделать это поскорее, так как каждый день отсрочки здесь стоит мне новых и новых денег, которые надо откуда-то доставать...» (письмо от 29 января 1924 г.).

С ссудой или без ссуды, но уже в следующем месяце Г.П. был в Париже, где на разных работах пробыл целых 10 лет до своего назначения в 1935 г. лектором в Лондонский университет.